

— Ц-ц-ц, привередничать — это не то, что должен делать хороший ребенок, — Хань Фэн сел напротив него, подперев щеку рукой, с насмешливым выражением лица. — Ты слишком худой, наверное, даже нечего кусать, и держать тебя, наверное, неудобно.

Эти слова, сказанные то ли в шутку, то ли всерьез, заставили руку Сяо Цзюньи с палочками на мгновение замереть. Он поднял глаза и посмотрел на Хань Фэна. Тот все так же улыбался своей лисьей улыбкой, но его взгляд был серьезным, с легким оттенком строгости.

Палочки снова задвигались, и через некоторое время все три яруса коробки с едой были пусты.

Сяо Цзюньи, держась за живот, с каменным лицом начал медленно ходить по двору, чтобы переварить еду, и потому не видел, как за его спиной выражение лица Хань Фэна смягчилось.

Наш патриарх, похоже, не ошибся в выборе, да?

Е Цзыси отправился к так называемому «знахарю», которого нашел Ли Юэ, и тот поставил диагноз — холодная болезнь, что вызвало лишь недоумение.

Хотя он действительно чувствовал сильный холод, и его температура обычно была ниже нормы, но та боль, которая сводила с ума, не могла быть объяснена холодной болезнью.

Не желая слушать болтовню этого шарлатана, Е Цзыси вернулся раньше, как раз к обеду. Открыв дверь, он увидел, как Сяо Цзюньи с безразличным лицом запихивает в рот еду.

Его некогда изящное лицо с острым подбородком теперь было раздуто, щеки двигались, словно у хомяка, запасающего еду. Палочки двигались с невероятной скоростью, и он продолжал запихивать еду в рот, хмурясь, словно это было наказание.

— Зачем так спешить? Ешь медленнее... — Е Цзыси мягко напомнил.

Ребенок вздрогнул, внезапно подавился и начал кашлять, но при этом зажал рот рукой, боясь, что еда вылетит наружу.

— Эй! Открой рот! Быстро! — Е Цзыси забеспокоился, схватил его и потянул к себе, одновременно хватая пустую коробку для еды, чтобы дать ему выплюнуть. Но Сяо Цзюньи упрямо отвернулся, его лицо покраснело, глаза наполнились слезами, но он не сдавался.

— Этот ребенок... — Е Цзыси разозлился, обнял его и начал щекотать под мышками.

Сяо Цзюньи дернулся, издал несколько тихих звуков, и наконец не выдержал, выплюнув все в коробку.

— С тобой никто не соревнуется, зачем так торопиться? Если не хватит, можно попросить кухню приготовить еще...

Е Цзыси похлопал его по спине, продолжая ворчать, но его взгляд остановился на столе.

Три мясных и два овощных блюда, а также суп, все в обычных фарфоровых тарелках, были почти полностью съедены. Это было достаточно, чтобы накормить двух или трех взрослых. Для ребенка такого размера это было слишком много, не так ли?

Или, может быть, он просто обжора с огромным аппетитом?

Но раньше он не отличался таким аппетитом...

Сяо Цзюньи кашлял еще некоторое время, прежде чем прийти в себя. Он безразлично оттолкнул Е Цзыси, снова взял палочки и потянулся к оставшимся блюдам, явно намереваясь закончить все до конца.

Е Цзыси наблюдал за этой странной сценой и протянул руку к животу ребенка. Он почувствовал, как мышцы напряглись, а также явное вздутие.

Он явно переел!

— Хватит есть! — он схватил руку Сяо Цзюньи с палочками и встретился с его темным, мрачным взглядом.

Его дыхание перехватило, и он на мгновение замер, не зная, что сказать.

Он мог только смотреть, как ребенок с каменным лицом вырвался из его хватки, доел последние крошки и оставил шесть пустых тарелок, которые были слишком чистыми.

— Ты... — Е Цзыси открыл рот.

Но Сяо Цзюньи уже встал, взял меч и вышел, даже не попрощавшись.

Это... подростковый бунт?

— Он все эти дни ест так много? — Е Цзыси повернулся к служанке.

Эм... кажется, ее звали Хунсю?

— Да... молодой мастер в последнее время ест больше обычного... — Хунсю опустила голову, слегка нервничая, но, по крайней мере, больше не билась лбом об пол.

Значит... он просто растет?

Е Цзыси подумал и приказал:

— Скажи кухне, что еда для А Юня была более изысканной и питательной, но количество... не слишком большое...

Переедание — это не самое приятное чувство...

В следующие дни Сяо Цзюньи, казалось, все больше увлекался боевыми искусствами. Все свое время, кроме еды, он проводил на тренировочной площадке.

И нельзя не похвалить его за талант: за несколько месяцев он достиг третьего уровня Сердечной сутры Фуло, превзойдя большинство членов ордена и заставив замолчать некоторых старейшин, которые изначально были против его принятия в ученики.

Время шло быстро, и снова наступили три месяца. На этот раз Е Цзыси поступил умнее. С решимостью умереть, он после ужина заперся в своей спальне, несмотря на громкие стуки в дверь, оставаясь непоколебимым.

Это была спальня патриарха, которая в особых случаях могла служить убежищем, поэтому ее защита была на высшем уровне. Но вскоре Е Цзыси перестал обращать внимание на все это.

Хотя это уже случалось раньше, он все равно не мог привыкнуть к этой мучительной боли,

словно тупой нож медленно резал его плоть и скоблил кости.

Его внутренности горели, словно в огне, и он почти потерял сознание, но его тело было ледяным, и он дрожал, свернувшись в клубок. Даже выдыхаемый воздух казался холодным.

— М-м... — из его горла вырвался стон боли и беспомощности. Он тяжело дышал, и боль стала настолько невыносимой, что он начал биться головой о пол. Его голова гудела, чувства притупились, и это странным образом облегчило боль.

Казалось, он нашел способ облегчить страдания, и Е Цзыси начал биться головой еще сильнее. Вскоре боковая часть его головы была в крови, а на полу образовалась небольшая ямка, окрашенная в ярко-красный цвет.

Эти звуки доносились из-за двери, и взгляд Ли Юэ наполнился убийственной яростью. Он вытащил меч и ударил по двери с полной силой, но оставил лишь небольшой след.

Дверь была сделана из обсидиана, невероятно прочного материала, который изначально использовался для защиты от врагов, но теперь стал препятствием для них. Несколько мощных ударов мечом громко прозвучали, но не дали результата.

Длинные черные волосы Ли Юэ развевались без ветра, а вокруг него витала сильная аура убийства.

Сяо Цзюньи, стоявший у стены, прислонился к двери, и с каждым стоном боли изнутри его лицо становилось все холоднее, словно покрытое льдом. Его темные глаза начали светиться красным, напоминая Е Цзыси во время приступов.

— Хватит, это бесполезно, — Хань Фэн вошел снаружи. Его вид был далек от изысканного молодого аристократа, и, подойдя ближе, можно было почувствовать запах травы и влажной земли.

Он повернулся к Сяо Цзюньи:

— Хочешь спасти его?

Лицо Хань Фэна стало серьезным, и он не сдерживал свою ауру, явно испытывая мальчика.

Сяо Цзюньи выпрямился и без колебаний кивнул, на что Хань Фэн усмехнулся, с легкой долей насмешки.

— Готов на любую жертву?

Снова твердый кивок.

— Хорошо, — Хань Фэн хлопнул в ладоши, подошел ближе и достал из кармана черный платок. Он завязал его на глазах Сяо Цзюньи, затем положил руку на его плечо и повел в сторону.

— Ты хочешь... — Ли Юэ нахмурился, собираясь что-то сказать, но был резко прерван. — Патриарх не может ждать. Ты останься здесь.

Ли Юэ замолчал и наблюдал, как двое исчезают в узком проходе.

Лишившись зрения, остальные чувства обострились. Сяо Цзюньи мог слышать только шаги и свое дыхание, а также легкое эхо, что говорило о том, что они находятся в закрытом

пространстве.

Через несколько минут они остановились, платок сняли, и он увидел еще одну дверь, идентичную той, что была в спальне, с тяжелым замком.

Хань Фэн достал ключ, открыл дверь, и Сяо Цзюньи увидел Е Цзыси, лежащего на полу в ужасном состоянии. Его сердце сжалось, особенно от едва слышных стонов и ярких пятен крови на полу.

Авторское примечание:

Е Цзыси: Эй, почему ты так много ешь в последнее время?

Сяо Цзюньи: Я хочу поправиться...

Е Цзыси: Что? Хотя ты действительно растешь, но...

Внезапно его сбили с ног, и другое тело прижалось к нему.

Сяо Цзюньи: Мне удобно обнимать? А кусать? Кровь вкусная?

Е Цзыси: Этот ребенок... наверное, сошел с ума...

<http://bllate.org/book/17706/1653948>